

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О ДЕВОЧКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ Ф.Х. БЕРНЕТТ, Л.М. ОЛКОТТ И Л. ИНГЛЗ-УАЙЛДЕР)

Ольга Юрьевна Орлова

кандидат филологических наук, доцент Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия)

e-mail: orlova_82@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-7357-3841

Аннотация. Классическая и современная детская литература ожидаемо стремится описывать повседневную жизнь ребенка, в которой гастрономические образы часто обладают определенным устойчивым набором символических и социальных значений. Рассмотрение образов еды в произведениях для детей и подростков через призму современных литературоведческих теорий позволяет вписать мотив еды, включающий в себя, помимо прочего, ритуалы приема и приготовления пищи, в более широкий культурный контекст. В статье анализируются произведения американских писательниц Л.М. Олкотт, Ф.Х. Бернетт и Л. Инглз-Уайлдер, написанные во второй половине XIX – начале XX века и составляющие классику англоязычной детской литературы. Исследование образов еды в частично автобиографических произведениях американских писательниц о девочках и для девочек, к которым относятся романы Олкотт, Бернетт и Инглз-Уайлдер, является важным в силу ряда причин. Во-первых, особенно актуальным представляется анализ способов репрезентации взросления через образы потребления и приготовления пищи в историях о взрослеющих девочках: в произведениях для подростков пища выступает социальным маркером, а умение ее приготовить свидетельствует о вступлении во взрослую жизнь. Во-вторых, в каждом из произведений представлены различные способы взаимодействия с другими культурами, в том числе и посредством гастрономических образов, что, в соответствии с задачами подростковой литературы, ставит и художественно решает вопрос о роли значимых взрослых, которые поддерживают ребенка в знакомстве с новой культурой или настаивают на сохранении собственной.

Ключевые слова: образы еды, американская детская литература, образ матери, постколониальная критика, гендерные исследования, Ф.Х. Бернетт, Л.М. Олкотт, Л. Инглз-Уайлдер, coming-of-age novel

Еда является маркированным элементом культуры: в разных сообществах с варьирующейся степенью строгости регламентировано, что положено есть, а что запрещено, кто и в каких обстоятельствах может принимать ту или иную пищу и имеет право готовить еду. Часто особенности культуры питания определенного народа находят свое художественное воплощение в литературе. Критический анализ гастрономических образов в литературных текстах позволяет проанализировать исторический контекст произведения и смысловые акценты в авторской концепции.

Современные критические подходы к гастрономическим образам в художественном тексте для детей представлены различными литературоведческими парадигмами, предлагающими интерпретировать их в контексте теории потребления [Stoneley], постколониальной [Chan], феминистской [Blackford] и других теорий. Мотив еды в англоязычных романах о девочках второй половины XIX – начала XX в., с одной стороны, характеризует отношение авторов к культурному контексту эпохи, в которой разворачивается действие, а с другой, связан с темой взросления главных героинь, и шире – темой их предназначения в обществе. В нашей статье мы рассмотрим несколько классических романов о девочках, созданных американскими писательницами Л.М. Олкотт, Ф.Х. Бернетт и Л. Инглз-Уайлдер с целью проследить особенности

функционирования мотива еды в произведениях этих авторов, его связь с культурным контекстом и образами главных героинь романов.

Англо-американская писательница Ф.Х. Бернетт родилась в Англии в 1849 г., но в возрасте 13 лет переехала в США, штат Теннесси, где матери писательницы не удалось поправить тяжелое финансовое положение семьи, на что она изначально рассчитывала. Однако переезд Ф.Х. Бернетт из метрополии в бывшую колонию позволил ей описать опыт пребывания в двух культурах в нескольких произведениях, которые оказались успешными как в США, так и в других странах. В 1886 г. выходит ставшая невероятно популярной повесть «Маленький лорд Фаунтлерой» (“Little Lord Fauntleroy”, 1886), рассказывающая о неожиданном получении титула семилетним Седриком, его переезде на историческую родину отца, а также затрагивающая темы стереотипного восприятия представителей других культур. В двух последующих произведениях писательницы маленьких героинь увозят из колониальной Индии на их историческую родину, в Англию. Романы «Маленькая принцесса» (“Little Princess”, 1905) и «Таинственный сад» (“The Secret Garden”, 1910) часто интерпретируются в контексте современной постколониальной теории [Gilbert: 272; Moran: 31; Webb: 53 и др.]: будучи на службе у империи, родители главных героинь пренебрегают своими роди-

тельскими обязанностями, оставляя дочерей без внимания. С физической смертью родителей связан мотив голода ребенка (Сара Крю, «Маленькая принцесса») или ненадлежащего питания (Мэри, «Таинственный сад»).

Рассмотрим развитие мотива еды на примере «Таинственного сада». В первой главе читатель видит героиню в колониальной Индии, где она живет, обеспеченная всем необходимым, но лишенная эмоционального участия родителей, каждый из которых выполняет предписанные его положению функции в рамках колониальной системы. В момент, когда разражается эпидемия холеры, о девочке забывают, поэтому она вынуждена заботиться о себе самостоятельно, при этом еда, которую она находит, отнюдь не является детской:

“The child ate some fruit and biscuits, and being thirsty she drank a glass of wine which stood nearly filled ... the wine made her sleepy that she could scarcely keep her eyes open and she lay down on her bed and knew nothing for a long time” [Burnett: 4].

Еда и напитки, которые находит и пробует Мэри в столовой, не предназначены для детей, поэтому девочка быстро пьянеет и впа-

дает в сон. К тому же, очевидно, что в разгар эпидемии ненадлежащая обработка фруктов, которые пробует главная героиня, может иметь серьезные последствия для ее здоровья¹. Этот эпизод поддерживает мысль автора о «заброшенности» Мэри в семье и, шире, в колониальной системе.

Невнимание самых близких людей на протяжении первых лет жизни девочки также имеет серьезные последствия для формирования ее характера: в начале романа Мэри нелюдима, груба и избалованна. Однако по ходу повествования она вынуждена прислушиваться к другим людям и принимать помощь тех, кто выступает заместителями родительских фигур. На исторической родине Мэри предлагают традиционные блюда, которые к тому же являются приемлемыми и для ее возраста, однако сначала они ей не нравятся, как и любая другая еда, так как девочка просто не знает, что такое быть голодной:

«I don't want it», she said.

“Tha' doesn't want thy porridge!” Martha exclaimed incredulously.

<...> “I don't know what it is to be hungry”, said Mary, with the indifference of ignorance» [Burnett: 27].

¹ Отметим, тем не менее, что, возможно, именно вино спасает девочку от заражения, так как в разгар эпидемии холеры в воде содержатся возбудители заболевания, а выпитое вино не только обладает обеззараживающим действием, но и позволяет забыться в самый страшный период эпидемии.

Когда девочка вовлекается в возделывание сада в родном Йоркшире, вместе с удовлетворением от собственного труда к Мэри приходит и аппетит.

Пища в произведениях Бернетт является синонимом материнской заботы. Образ матери представлен в повести в двух ипостасях, но ни в одном из этих образов нет черт родной матери Мэри. Во-первых, духовная защитница детей – это погибшая в этом же саду несколько лет назад мать Колина (еще одного обеспеченного всем, кроме родительской любви, сироты), она является покровительницей места, куда дети приходят играть, и в результате каждый находит возможность преодолеть свои душевные и физические травмы. Во-вторых, еще одно воплощение образа матери – крестьянка миссис Соуэрби, «кормящая мать» для всех детей сразу, *Earth Mother*, снабжающая детей домашней едой во время их игр, поддерживающая их советами и тем самым компенсирующая для Мэри и Колина отсутствие родительской любви [Blackford: 46; Moran: 34].

Классические произведения о девочках более старшего возраста акцентируют внимание на продуктах как на элементе культуры потребления, а умение приготовить пищу приравнивается к взрослению. Так, в самом начале «Маленьких женщин» Л.М. Олкотт (“Little Women”, 1868–1869) сестры Марч сокрушаются, что они слишком бедны, однако подарки, о которых они мечтают, – это при-

ятное дополнение к их хобби (чтению, рисованию и музыке). Каждый эпизод книги связан с постепенным взрослением героинь и изменяет их отношение к потреблению. В конце первой главы они соглашаются с мамой, что им необходимо помочь действительно бедной семье, собирают со своего рождественского стола все самое вкусное и относят нуждающимся.

Будучи, таким образом, ограниченными в средствах, но благодаря своему образованию и положению в обществе заслужившими уважение более богатых соседей и знакомых, в книге Марчи занимают промежуточное, условно комфортное положение между состоятельными соседями Лоуренсами и несчастной семьей немецких эмигрантов, у которых нет денег даже на еду и медицинскую помощь. Как пишет П. Стонели, несмотря на серьезные финансовые затруднения этой семьи, «ее никогда не спутать с представителями низших классов общества» [Stoneley: 27]. Более того, Олкотт, вкладывая эти слова в уста одного из второстепенных персонажей, называет Марчей «одним из первых семейств», но добавляет, что «они, к сожалению, потеряли состояние» [Олкотт: 130]. Миссис Марч в соответствии с протестантской этикой учит девочек тому, что материальное не столь значимо: она одаривает их «нужными» книгами, а не изысканными подарками, о которых они мечтают, и говорит о необходимости помощи ближним. Тем не

мене, когда девочки оказываются в среде детей своего возраста, демонстрация материальных возможностей продолжает играть доминирующую роль. Например, один из самых загадочных эпизодов книги для современного читателя – это сюжет о том, как именно одноклассницы проявляют симпатию друг к другу в школе, которую посещает Эми. Главным знаком внимания среди школьниц оказываются консервированные лаймы, а в качестве ответного жеста на подаренный лайм одаряемая должна также подарить лайм дарительнице. Таким образом, лаймы являются социальной метафорой:

“Why, you see, the girls are always buying them, and unless you want to be thought mean, you must do it, too. It’s nothing but limes now, for everyone is sucking them in their desks in schooltime, and trading them off

for pencils, bead rings, paper dolls, or something else... If one girl likes another, she gives her a lime; if she’s mad with her, she eats one before her face, and doesn’t offer even a suck. They treat by turns, and I’ve had ever so many but haven’t returned them, and I ought, for they are debts of honor, you know” [Олкотт: 93].

Самолюбие Эми серьезно уязвлено тем фактом, что она не имеет возможности приобрести экзотические, пусть и довольно дешёвые фрукты¹, однако при появлении такой возможности, она не может устоять перед соблазном похвастаться своим резко поднявшимся социальным статусом, за чем следует наказание и раскаяние².

Искушению поддается и старшая Мэг, когда позволяет своим приятельницам из состоятельных семей разодеть себя, как куклу, на вечер, за чем также следует раскаяние³.

---

¹ Консервированные экзотические фрукты стоили значительно дешевле свежих (один пенс в Новой Англии на момент написания книги).

² В отличие от романов Ф.Х. Бернетт, «Маленькие женщины» Л.М. Олкотт, на первый взгляд, лишены, по терминологии Д.Н. Замятина, «экспансивных» пространств: действие романа происходит почти полностью в доме Марчей, а «такие пространства становятся источниками более локальных, местных образов» [Замятин: 83]. Однако такая художественная деталь, как экзотический для Новой Англии фрукт, тем не менее, содержит в подтексте указание на экспансию и отношения доминирования: лаймы в основном привозились с островов Карибского бассейна, а при их сборе и упаковке использовался труд рабов.

³ Одновременно с этим, по утверждению П. Стонели, Олкотт по собственному опыту знает, что «недостаток нужных вещей – это потеря присутствия в обществе» [Stoneley: 28], именно поэтому в повести предложен такой «безопасный» способ продемонстрировать себя обществу, как домашний театр, где переодеваясь, без потери лица и при достаточной доле условности можно примерить на себя любую роль.

Как и в случае с Эми, главный человек, перед которым кается Мэг, – это Марми. Девочки именно ‘исповеваются’ [Олкотт: 136] перед матерью, чей образ приобретает в «Маленьких женщинах» религиозное звучание: так, несмотря на открытый протестантизм книги, Эми разрешено чтить изображение мадонны [Blackford: 45].

Действительно, роль матери в произведениях американских писательниц сложно переоценить. Девочки потеряны без мамы, они не в состоянии накормить себя и позаботиться о себе, в то время как постепенное овладение новыми умениями свидетельствует о взрослении. И первое из этих умений – приготовление пищи – может наделить девочку теми качествами, которыми владеет взрослая женщина. Тем не менее, попытки Джо примерить на себя эту роль не приводят к успеху; напротив, она заключает, что ей не достает «чего-то еще», помимо энергии и желания, чтобы стать поварихой и войти в таинственный мир женщин:

“Language cannot describe the anxieties, experiences, and exertions which Jo underwent that morning; and the dinner she served up became a standing joke. Fearing to ask any more advice, she did her best alone, and discovered that something more than energy and good-will is necessary to make a cook. She boiled the asparagus hard for an hour, and was grieved to find the heads cooked off, and the stalks harder than ever. The bread burnt black; for the salad

dressing so aggravated her, that she let everything else go, till she had convinced herself that she could not make it fit to eat. The lobster was a scarlet mystery to her, but she hammered and poked, till it was unshelled, and its meager proportions concealed in a grove of lettuce-leaves” [Олкотт: 162].

Образ матери в произведениях о девочках жанра *coming-of-age novel* является нравственным ориентиром для дочерей, а ее отношение к предметам потребления – предлагаемая образцовая модель поведения в любых обстоятельствах, будь то стесненное финансовое положение семьи во время Гражданской войны 1861–1865 гг., о котором пишет Л.М. Олкотт, или жизнь вдали от цивилизации, о которой рассказывает еще одна американская писательница Лора Инглиз-Уайлдер.

Детали жизни первых белых поселенцев на Западе в 1860-х гг., описанные Инглиз-Уайлдер в ее цикле «Маленький домик в прериях» (“Little House on the Prairie”, 1932–1943), перекликаются с лишениями семьи Олкотт в 1830 г. в утопическом поселении *Fruitlands*, основанном трансценденталистами, в том числе отцом Луизы Мэй. Мама Луизы Мэй, согласно беллетризованной биографии писательницы в книге Беатриче Мазини, как и мама маленькой Лоры из повести «Маленький домик в прериях» (“Little House on the Prairie”, 1935), хранила в сундуке дорогие ей воспоминания о «цивилизации» [Мазини: 59]. Несмотря на тяжелые бытовые условия,

Кэролайн Инглз даже на пикнике посреди прерии настаивает на соблюдении правил этикета, а первая вещь, которую она достает после постройки камина в их маленьком домике, это изящная фарфоровая статуэтка.

Замысел серии о маленьком домике, описывающей события, отстоящие от момента создания текста более чем на полстолетия, появилась у Лоры Инглз-Уайлдер в 1930-х гг., когда она, недовольная политикой Ф. Рузвельта, приняла решение рассказать читателям о тяготах жизни первых поселенцев при освоении американского Запада. Будучи непосредственной участницей заселения этих земель, Инглз берет за основу период, когда, согласно федеральному закону Гомстед-акт 1862 г., территории в ряде западных штатов США могли быть заняты за небольшую плату любым человеком, не воевавшим на стороне южан в Гражданскую войну. И хотя периоды написания «Маленьких женщин» и «Маленького домика в прериях» отстоят друг от друга на несколько десятилетий, читатель легко может представить капитана Марча, только вернувшегося с войны, в роли одного из первых белых поселенцев Канзаса, так как речь в обоих произведениях идет именно об этом периоде истории США. Переселение в «Маленьком домике» инициируется отцом Лоры. Так, есть некая непреодолимая сила, влекущая Чарльза Инглза на новое не-

обжитое место: он не хочет больше слышать звуки проезжающих мимо его дома повозок и признавать постепенного заселения их маленького поселка в штате Висконсин новыми людьми:

“They were going to the Indian country. Pa said there were too many people in the Big Woods now. Quite often Laura heard the ringing thud of an ax which was not Pa’s ax, or the echo of a shot that did not come from his gun. The path that went by the little house had become a road. Almost every day Laura and Mary stopped their playing and stared in surprise at a wagon slowly creaking by on that road. Wild animals would not stay in a country where there were so many people” [Ingalls Wilder: 1–2].

Отец с удовольствием выступает для своих дочерей проводником в неизвестную культуру коренных обитателей прерий, указывая, в числе прочего, на особенности приготовления пищи у индейцев племени осаджей:

“Then Pa picked up a smoke-blackened forked stick. And he said that the pot had hung from a stick laid across the top of two upright, forked sticks. He showed Mary and Laura the holes where the forked sticks had been driven into the ground. Then he told them to look at the bones around that camp fire and tell him what had cooked in that pot. They looked, and they said, ‘Rabbit.’ That was right; the bones were rabbits’ bones”. [Ingalls Wilder: 176–177].

Женщины в семьях переселенцев следуют за своими мужьями, даже если не считают этот шаг разумным, а в самой книге редкие напоминания о жизни в цивилизации, воплощенные в изящной статуэтке на каминной полке посреди прерии, призваны продемонстрировать читателям мысль о том, какой высокой может быть планка самоотречения ради высокой цели, какова цена «безмолвной жертвы» жен первых поселенцев [Turner 4].

Рассмотренные реалистические произведения о девочках второй половины XIX – второй половины XX в. во многом автобиографичны и отражают личный опыт писательниц. Художественно пересмысливая реальность, Ф.Х. Бернетт, Л.М. Олкотт и Л. Инглз-Уайлдер помещают своих героинь в культурный контекст знакомой им эпохи, где еда и умение ее приготовить – это одновременно социальная и возрастная характеристика героинь. В «Таинственном саду» Ф.Х. Бернетт еда и одежда возникают сами собой, но за чудесным появлением пищи стоит значимый взрослый, которым, как правило, является мама или заменяющая ее фигура. Противоположная ситуация, при которой пища не соответствует возрасту ребенка или отсутствует, может интерпретироваться в более широком культурном контексте и говорить о «заброшенности» ребенка в рамках несправедливой социальной системы. Роль

матери в обеспечении бытовыми благами, а также в утверждении духовных ценностей, сложно переоценить и в литературе для читателей-подростков. В то время как отцы отвечают за принятие важных жизненных решений или знакомство детей с новыми культурами, матери, оставаясь дома, устанавливают незыблемую шкалу ценностей, возвращая жизнь, благодаря маленьким штрихам цивилизации, даже в новых и тяжелых условиях, в привычное русло.

Литература

Замятин, Д.Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003.

Мазини, Б. История Мэй Маленькой Женщины / пер. с итал. К. Тименчик. М.: Самокат, 2020.

Олкотт, Л.М. Маленькие женщины. М.: Юпитер-Импекс, 2015.

Blackford, H. (2009). Recipe for reciprocity and repression: the politics of cooking and consumption in girl's coming-of-age literature. In K.K. Keeling, & S.T. Pollard (Eds.), *Critical approaches to food in children's literature*. New York: Routledge, 41–55.

Burnett, F.H. (2003). *The secret garden*. New York: Signet Classics.

Chan, W. (2009). “The eaters of everything”: etiquettes of empire in Kipling's Narratives of Imperial Boys. In K.K. Keeling, & S.T. Pollard

(Eds.), *Critical approaches to food in children's literature*. New York: Routledge, 125–135.

Gilbert, S.M. (2003). Afterword. In F.H. Burnett, *The secret garden*. New York: Signet Classics, 263–277.

Ingalls Wilder, L. (1971). *Little house on the prairie*. New York: Harpers Collins Publishers.

Moran, M.J. (2001). Nancy's ancestors: the mystery of imaginative female power in *The Secret Garden* and *A Little Princess*. In A.E. Gavin, & Ch. Routledge (Eds.), *Mystery in children's literature: from the rational to the supernatural*. Houndmills, Hampshire, UK: Palgrave/St. Martin's Press, 32–45.

Stoneley, P. (2007). *Consumerism and American girl's literature 1860–1940*. Cambridge: Cambridge University Press.

Turner, F. (1992). *Spirit of place: the making of an American landscape*. Washington: Island Press.

Webb, J. (2003). Walking into the sky: Englishness, heroism, cultural identity: a nineteenth- and twentieth century perspective. In R. McGillis (Ed.), *Children's literature and the fin de siècle*. Westport: Praeger, 51–56.

References

Blackford, H. (2009). Recipe for reciprocity and repression: the politics of cooking and consumption in girl's coming-of-age literature. In K.K. Keeling, & S.T. Pollard (Eds.), *Critical approaches to food in children's literature*. New York: Routledge, 41–55.

Burnett, F.H. (2003). *The secret garden*. New York: Signet Classics.

Chan, W. (2009). “The Eaters of Everything”: etiquettes of empire in Kipling's Narratives of Imperial Boys. In K.K. Keeling, & S.T. Pollard (Eds.), *Critical approaches to food in children's literature*. New York: Routledge, 125–135.

Gilbert, S.M. (2003). Afterword. In F.H. Burnett, *The secret garden*. New York: Signet Classics, 263–277.

Ingalls Wilder, L. (1971). *Little house on the prairie*. New York: Harpers Collins Publishers.

Mazini, B. (2020). *Istoriya Mey Malen'koy Zhenshchiny* [The story of a little woman May] (K. Timenchik, Trans.). Moscow: Samokat.

Moran, M.J. (2001). Nancy's ancestors: the mystery of imaginative female power in *The Secret Garden* and *A Little Princess*. In A.E. Gavin, & Ch. Routledge (Eds.), *Mystery in children's literature: from the rational to the supernatural*. Houndmills, Hampshire, UK: Palgrave/St. Martin's Press, 32–45.

Olkott, L.M. (2015). *Little women*. Moscow: Yupiter-Impeks.

Stoneley, P. (2007). *Consumerism and American girl's literature 1860–1940*. Cambridge: Cambridge University Press.

Turner, F. (1992). *Spirit of place: the making of an American landscape*. Washington: Island Press.

Webb, J. (2003). Walking into the sky: Englishness, heroism, cultural identity: a nineteenth- and twentieth century perspective.

In R. McGillis (Ed.), *Children's literature and the fin de siècle*. Westport: Praeger, 51–56.

Zamyatin, D.N. (2003). *Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo i yazyk geograficheskikh*

obrazov [Human geography: the space and language of the geographical images]. St. Petersburg: Aleteyya.

Для цитирования: Орлова, О.Ю. Гастрономические образы в произведениях о девочках (на материале творчества американских писательниц Ф.Х. Бернетт, Л.М. Олкотт и Л. Инглз-Уайлдер // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 4. С. 129–139. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-4-129-139

For citation: Orlova, O.Yu. (2022). Gastronomic images in American girl's fiction by F.H. Burnett, L.M. Alcott, and L. Ingalls Wilder. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 7 (4), 129–139. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-4-129-139

**GASTRONOMIC IMAGES IN AMERICAN GIRL'S FICTION
BY F.H. BURNETT, L.M. ALCOTT, AND L. INGALLS WILDER**

Olga Yu. Orlova, PhD (Philology), Associate Professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); e-mail: orlova_82@inbox.ru

Abstract. Children's literature expectedly seeks to describe the daily life of a child, in which gastronomic images often have a certain set of symbolic and social meanings. Consideration of images of food in works for children and adolescents through the prism of contemporary literary theories makes it possible to fit the motif of food, which includes, among other things, rituals of eating and cooking, into a broader cultural context. The article analyzes the works of American writers L.M. Alcott, F.H. Burnett and L. Ingalls Wilder, written in the second half of the XIX – early XX century and constituting classics of English-language children's literature. The study of images of food in semi-autobiographical works of American writers about girls and for girls, which include the novels of Alcott, Burnett and Ingles-Wilder, is important for a number of reasons. Firstly, in works for teenagers, food acts as a social marker, and the ability to cook it indicates the entry into adulthood. Secondly, each of the works presents various ways of interacting with other cultures, including via gastronomic issues, which, in accordance with the tasks of adolescent literature, questions the role of significant adults who support the child in getting acquainted with a new culture or insist on preserving their own.

Key words: food in fiction, American children's literature, the image of mother, postcolonial studies, gender studies, F.H. Burnett, L.M. Alcott, L. Ingalls Wilder, coming-of-age novel

